

Мой сын – миссионер

Мой отец, моя старшая сестра Джеральдин и моя мать в Испании в конце 1980-х гг.

Несколько недель назад (в декабре 2000 года) я ездил из Индии в Англию на похороны отца. В Индии я почти непрерывно прожил более двадцати лет, живя в основном в Тируваннамалае – средней величины городе на юге страны. Я не часто бывал в Англии в течение этого времени, поэтому на похоронах я встретил людей, которых не видел лет тридцать и больше: старых соседей, прихожан отцовской церкви, сослуживцев отца, с которыми он вместе работал до того, как вышел на раннюю пенсию около двадцати лет назад. Мы разглядывали друг друга, решая, кто из нас лучше устоял перед разрушительной силой времени. Моя сестра Джеральдин завела разговор с миссис Брод, старой соседкой, работавшей администратором в школе, где мой отец много лет преподавал.

– Как там Дэвид? – расспрашивала миссис Брод. – Он всё ещё миссионер в Индии?

Джеральдин рассмеялась:

– Он не миссионер и никогда им не был. Это просто история, придуманная мамой. Он живёт в Индии и пишет там книги, но это не имеет никакого отношения к христианству.

Миссис Брод вздохнула с облегчением:

– Я так рада, что ты сказала мне об этом. Это настолько с ним не вязалось.

История с миссионерством родилась в конце 1970-х – начале 80-х годов, в те времена, когда моя мама изо всех сил старалась навести глянец на мою жизнь в Индии. Чтобы понять общественную необходимость таких её действий, следует знать, что чуть ли не все члены семьи моей мамы были истыми приверженцами методистской христианской церкви. Таковыми являются и ныне живущие члены её семьи. По линии моей матери мой дядя и двое моих кузенов носят сан методистских священнослужителей. Мой дедушка по отцовской линии тоже был методистским священником, а отец многие годы был церковным прихожанином. Теперь только представьте их общую озабоченность, когда я в возрасте немногим больше двадцати уехал в Индию, чтобы жить в индийском ашраме и быть индуистским преданным.

Моя мать была психотерапевтом и провела большую часть своей трудовой жизни, занимаясь лечением детей-инвалидов, но если бы она захотела сделать карьеру ещё на каком-нибудь поприще, то из неё вышел бы отличный социальный технолог. Сталкиваясь с неудобными фактами, она, наперекор всему, в итоге верила только в то, во что хотела верить. А придя к какому-нибудь убеждению, она с большой уверенностью и энтузиазмом доносила его до других.

Пробыв в Индии несколько недель, я отправил родителям письмо на десяти страницах, в котором описал свои взгляды и практики. Чтобы они лучше всё поняли, я вставил туда несколько цитат из Библии, которые, на мой взгляд, соответствовали тому, что я пытался объяснить.

Ответ моей мамы был в розовых тонах: «Я так рада, что ты продолжаешь верить в Бога».

Суть успешного манипулирования сознанием состоит в переходе в наступление, чтобы успеть прежде всего озвучить вашу интерпретацию ситуации, пока не начали возникать другие варианты, грозящие разрушить ваше толкование. Моя мама принесла моё письмо на женское церковное собрание и прочла его перед всеми от начала до конца. И поскольку библейские цитаты были знакомыми и понятными, а также, поскольку я их цитировал в одобрительном ключе, она каким-то образом смогла убедить своих слушательниц, что я присоединился к некоему эзотерическому христианскому течению. И вот, романтический миф «Мой сын Дэвид – миссионер» родился.

Ведантические идеи, которые я пытался разъяснить, были, конечно, пропущены мимо ушей всеми присутствовавшими. А то, что задержалось в их сознании, было следующим: я происхожу из хорошей христианской семьи, я определённо имею страстную веру в Бога, и я уехал в Индию по религиозным соображениям. Было совсем нетрудно нарезать таких вот избранных фрагментов из моего рассказа и затем сложить их вместе так, чтобы сделать миссионерский сценарий вполне убедительным.

Совершенно случайно я сам упрочил этот образ, отправив домой описание шагов, предпринятых мной против огромной нищеты, присутствующей в Индии повсеместно. С самого начала я решил, что не буду давать нищим денег, поскольку если они в какой-то момент поймут, что вы постоянно даёте милостыню, то потом всегда будут осаждать вас толпой, стоит вам только ступить за порог. Да у меня и не было особо что раздавать – на тот момент весь мой капитал составлял менее 500 долларов, однако моя совесть не

позволяла мне просто сидеть, сложа руки. В первый год жизни в Индии я решил эту проблему, организовав большой рождественский обед для нищих и вообще всех бедных людей, живших по соседству. Идея заключалась в том, чтобы все деньги, выделенные мной на благотворительность из расчёта на год, отдать за один раз на одно мероприятие, чтобы в оставшуюся часть года уже ничего не давать. На кухне ашрама я одолжил два больших чана и с помощью нескольких друзей приготовил рис и овощи примерно на 150 человек. Это имело большой успех. Мы ели все вместе в манговой роще, арендованной мной на то утро.

В письме к родителям я описал все события того дня. И, естественно, моя мама сразу же увидела возможность дополнить моё миссионерское жизнеописание новым разделом. То, что я сделал всё это на Рождество, а не на какой-нибудь индуистский праздник, было для неё весьма показательным. На этот раз Дэвид-миссионер кормил миллионы голодающих индийцев.

О моём рождественском мероприятии было проинформировано местное общество прихожанок. Они сочли его прекрасной инициативой, достойной их финансовой поддержки. Сбор средств для меня состоялся. Примерно через неделю моя мама сообщила мне, что женщины из церкви будут спонсировать также и все мои дальнейшие мероприятия по кормлению нуждающихся. Она даже вложила в письмо чек на оплату следующего. Было бы жестоко отказаться от такой чистосердечной помощи, но в то же время я понимал, что как способ борьбы с растущим обнищанием индийцев периодическое кормление голодных не является эффективным. Понимая, что женщины, передавшие мне деньги, хотели, чтобы они были потрачены именно так, я организовал ещё один обед, но когда представил о нём отчёт, то сказал им, что эти средства лучше вкладывать в проекты, польза от которых продлилась бы дольше, чем то время, за которое желудок снова становится пустым. Помню, как я привёл им в своём письме следующую историю:

«На рубеже двадцатого века один из известных американских бизнесменов-миллионеров был атакован в своём офисе молодым пламенным социалистом, который старался его убедить щедрее делиться деньгами. При этом основным аргументом социалиста была идея равного для всех распределения денежных средств.

Послушав его какое-то время, миллионер позвал свою секретаршу и спросил:

– Мисс Смит (или как бы её ни звали), сколько я сейчас стою?
– Около 300 миллионов, – последовал быстрый и чёткий ответ.
– Молодой человек, – сказал миллионер гостю, роясь в кармане в поисках мелочи, – вы совершенно меня убедили. Исходя из того, что сейчас в мире живёт два миллиарда человек, я рассчитал вашу долю в моём капитале: она составила четырнадцать центов. Вот ваши деньги. А теперь уходите и оставьте меня в покое».

Я привёл эту историю церковным прихожанкам, чтобы показать, что даже самые тугие кошельки не много значат в борьбе с мировым голодом.

«Если вы жертвуете маленькие суммы и хотите от них отдачи, – написал я им, – купите учебники и школьную форму для индийских детей. Дети в этой части света не могут ходить в школу, если сами не купят себе учебники, а

хорошие школы требуют также носить форму. У ребёнка, окончившего школу, есть хорошие шансы избежать прозябания в деревенской нужде».

В обществе прихожанок такой подход получил одобрение. На протяжении следующих нескольких лет мне регулярно пересылались средства, позволившие многим детям получить начальное и среднее образование. И, конечно, моя мама была довольна. Я эволюционировал от кормления миллионов к их просвещению. Тот факт, что, по сути, всё своё время я посвящал работе и медитации в индуистском ашраме, её не смущал. Я спасал мир, ну, или как минимум одну его крошечную часть. Теперь для друзей и семьи у неё имелись достаточно веские доводы в пользу изначально сомнительной версии моего миссионерства.

Приехав домой в 1979 году, я узнал, что моя мама уже объявила о моём выступлении в местной церкви как организатора сбора денежных средств. Я хотел уклониться, но мама сказала, что объявления уже развешаны по всей округе. Моё выступление должно было стать подтверждением её убеждений относительно меня.

Мне не хотелось говорить в церкви людям, давно знавшим нашу семью, что мама выдумала «миф о Дэвиде» специально для них. В качестве компромисса я согласился провести беседу общего плана о проблеме бедности в Индии. Я не собирался описывать мою благотворительность и просить денег.

Откровенно говоря, шокировать аудиторию в мои намерения не входило, но когда я начал говорить, то надо сказать, что некоторые истории многих явно потрясли. После мой отец заметил мне, что я слишком долго останавливался на столь неприглядной стороне человеческой жизни. Лишённые конечностей прокажённые, увечные дети, которых продавали профессиональным нищим, чтобы те могли больше на них заработать, открытые канализации, полные фекалий, – всё это было не тем, о чём хотели слышать наши добрые соседи и близкие. Им нужна была вычищенная и выбеленная картинка Индии, где хорошие ребята (миссионеры, разумеется) триумфально побеждают бедность, бедствия и языческие заблуждения. Я отказался давать такую картинку, потому что в Индии хорошие ребята точно не торжествуют. Минут примерно через пятнадцать мой отец начал стучать по своим часам и бросать на меня многозначительные взгляды. Он хотел, чтобы я или остановился, или перешёл к более приятным, позитивным темам. Если бы там был занавес, то уверен, что отец дёрнул бы за шнур, чтобы он упал.

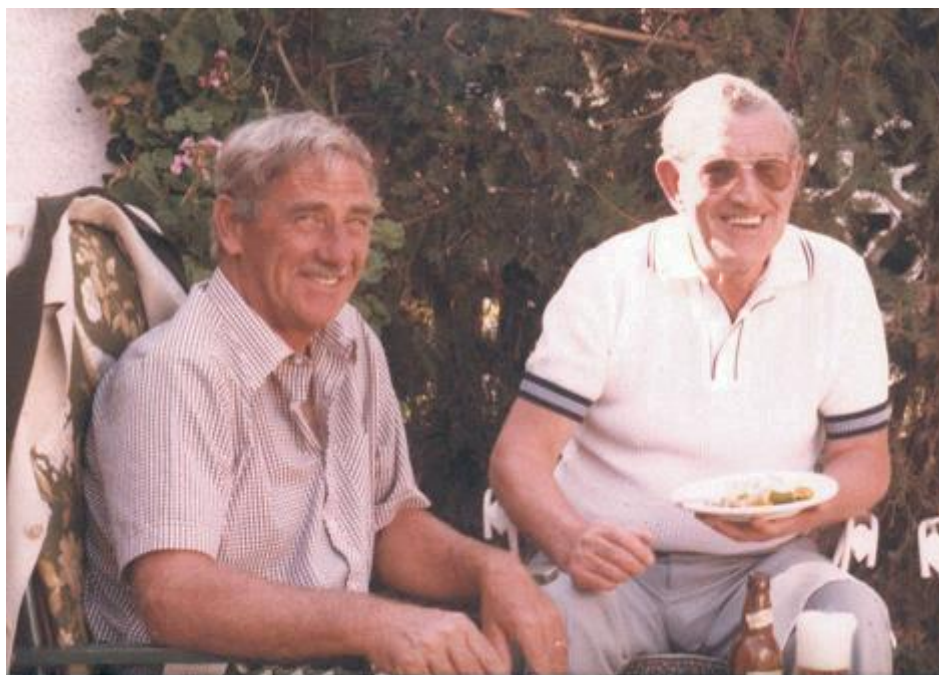
Через несколько дней после этого мне был вручен крупный чек. Мне было сказано: «Ситуация значительно хуже, чем мы думали. Тебе определённно требуется больше денег, чтобы на неё влиять».

На это пожертвование я основал фонд, средствами из которого покрывался ущерб от бедствий, происходивших в деревнях. Если ураганом в деревне сносило крышу чьего-то дома или у кого-то во время какой-нибудь деревенской работы случалась травма ноги, то для передачи денег пострадавшим я использовал посредника. Я не хотел, чтобы люди узнали, что я сижу на куче донорских денег, что сделало бы мою жизнь невыносимой. Я попал бы в осаду просителей, большинство из которых рассказывало бы мне вымышленные истории. Я объяснил это своей матери. И мама, социальный технолог, взялась за дело:

– Дэвид такой смиренный, он никому не хочет говорить о своих хороших делах.

Мой нежелательный образ ещё немного подчистился и отполировался.

В начале 1980-х гг. оба мои родителя ушли на пенсию и переехали на юг Испании. Туда я к ним приезжал во время следующей поездки в Европу. Один из их соседей, Фрэнк, был шотландским промышленником, любившим заниматься благотворительностью. Кажется, он был президентом шотландского отделения «Rotary» или какой-то подобной организации.

**Мой отец (слева) и Фрэнк (справа).
Испания, 1983 год.**

«Ещё в самом начале моей профессиональной карьеры, – рассказывал он мне, – я понял, что обладаю “касанием Мидаса”. Каким бы бизнесом я не занялся, он приносил доход. Я вовлекался в какие-то совершенно сумасшедшие схемы, но в результате и они приносили мне деньги. Я имею намного больше, чем мне нужно. И сейчас я больше заинтересован в отдавании денег тем, кто в них нуждается».

Его предрасположенность к сумасшедшим схемам распространилась и на его благотворительную деятельность. Он рассказывал мне о проекте по использованию северных оленей в качестве тягловой силы на Филиппинах. Наверное, где-то в этой стране жил весьма недоумённый северный олень по имени Фрэнк, тянувший за собой плуг.

Естественно, моя мама накормила Фрэнка историями о моих добрых делах. И вот я сижу и жду его прихода с его чековой книжкой. У него, однако, возник замысел иного рода – нечто такое, что удовлетворило бы ещё одну страсть его жизни. Он любил вечеринки и веселье вообще. Он был по-

настоящему счастливым человеком, чьей жизненной миссией было делать всех вокруг такими же счастливыми, как и он сам.

– Я устрою большой обед, – объявил он. – Я приглашу всех, кого знаю. Я запрошу с них побольше за участие и скажу, что эти деньги пойдут на благотворительность в Индии. В конце обеда я произнесу презентационную речь, и мы посмотрим, – может быть, мне удастся добыть для тебя ещё больше денег.

Этот «обед» на открытом воздухе длился с полудня до полуночи. Огромное количество еды и алкоголя было поглощено примерно сотней человек. Никто из них за это не заплатил и никто не произнёс презентационной речи. На следующий день Фрэнк пришёл ко мне домой.

С серьёзным, правда, несколько осунувшимся лицом он сказал:

– Это был отличный фандрайзинг. Пожертвовали все. Посмотри, сколько мы собрали, – и протянул мне солидный чек.

Я с недоверием его разглядывал, пока не понял, что случилось на самом деле. Фрэнку нужен был повод для затевания большой вечеринки, и таким поводом стал я. За вечеринку он заплатил сам (это было его изначальным намерением), а я в итоге получил от него «мелочёвку» на покрытие нужд многих и многих индийцев. Я принял эту игру и поблагодарил его.

На момент, когда случилась эта история (1983 г.), я прожил в Индии семь лет. Я проводил там время, медитируя в знаменитом индуистском ашраме, заведывая религиозной библиотекой и редактируя журнал, читательская аудитория которого состояла в основном из преданных одного из самых выдающихся индуистских святых современности. Я держал свою мать в курсе всех этих дел, регулярно отправляя ей письма. Ей больше нечем было подкреплять свою иллюзию о том, что я являюсь христианином, даже несмотря на то, что она всё ещё гордилась благотворительными мероприятиями, которые я организовывал на собранные ею и её друзьями средства.

Вот один из разговоров во время моего тогдашнего приезда, который навсегда отложился в моей памяти. Я находился в её спальне и смотрел на фотографию с моим изображением, которую она здесь поставила.

– Раньше она стояла в гостиной, – сказала мама, заметив, что я смотрю на фото, – но мне пришлось перенести её сюда, здесь её никто не сможет увидеть.

– Почему? – спросил я.

Я не голливудский мачо, но и представить себе, что люди, увидев это фото, отскакивают в ужасе, я тоже не мог.

– Гости спрашивали: «Кто это?» И я отвечала: «Это мой сын, Дэвид». Затем они спрашивали: «А чем он занимается?» И я не знала, что им ответить. В итоге я перенесла фотографию сюда, потому что мне было слишком неудобно отвечать на их вопросы о тебе.

Для нас обоих это был грустный момент. Моя мама определённо была не в состоянии понять то, что я делаю. В течение нескольких секунд мы молча смотрели друг на друга через классическую пропасть, разделяющую мать и сына: я хотел от неё понимания того, чем я занимаюсь и кем являюсь, а она хотела, чтобы я делал нечто такое, чем она могла бы гордиться, рассказывая обо мне своим друзьям и соседям.

– Почему ты не скажешь им, что я – индуистский монах, живущий в индийском монастыре? Это заставило бы их замолчать, и это очень близко к тому, чем я занимаюсь на самом деле.

– Я не смогу ничего такого сказать, люди не поймут.

Думаю, что в действительности она имела в виду: «Люди подумают, что мой сын – человек со странностями, а я не хочу иметь с этим ничего общего».

Она утратила свои иллюзии, но примириться с правдой ещё не могла.

Позже в тот же день она сказала:

– Я храню все твои письма в папке. Время от времени я их достаю и перечитываю. Думаю, я ищу их помощи в понимании и не нахожу её. Я перечитываю их снова и снова, но никогда не получаю связную картину, которая была бы ясной для меня. Я не знаю, что ты делаешь и зачем. Я не могу объяснить другим то, что ты делаешь, потому что я даже себе не могу этого объяснить. Именно поэтому я убрала твоё фото. Оно было вызовом, который я не смогла принять. Я не понимаю твоей философии и стиля жизни, но я способна узнавать счастье, когда его вижу. То, чем ты занялся, полностью тебя удовлетворяет. Не знаю, как и почему, но это неопровержимый факт. Но я не могу сказать людям: «Дэвид живёт в Индии, и он счастлив», если они спросят меня о тебе. Им нужны подробности, и здесь у меня затруднения.

Из этого сложного положения я помог ей выйти, написав книгу об индуистском учении, которое я изучал и практиковал. Мама никогда её не читала, но держала на виду специально для людей. Формулу «Мой сын – миссионер» сменила формула «Мой сын – писатель, живущий и работающий в Индии».

Я (справа), дремлющий на солнце во время беседы двух друзей моих родителей. Испания, 1983 год.

В тот же приезд в 1983 году я спросил у мамы, почему так много людей хотят, чтобы их пожертвования передавались именно мне, а не какой-нибудь благотворительной организации.

– Тебе мы доверяем, – ответила она, – и, когда дела ведёшь ты, нет непроизводительных расходов. Когда небольшая группа людей даёт тебе 50 долларов на покупку учебников, мы знаем, что эти 50 долларов будут потрачены на книги, которые получают люди, нуждающиеся в них и не могущие позволить их себе. Передавая же эти 50 долларов благотворительной организации, мы не имеем никакого отчёта об их использовании. Эти деньги могут пойти на оплату обеда кого-нибудь из их сотрудников. И даже если учебники будут куплены, часть денег возьмёт себе администрация. Каждый раз, получая от нас деньги, ты присылал нам подробное описание их использования. В церкви я зачитывала твои письма всем жертвователям. Им нравилось слышать, что на их деньги куплена новая школьная форма для конкретной девочки. Мы бы никогда не получили подобный отчёт от большой организации.

Пару недель спустя эта тема снова была поднята у нас дома, после того как я увидел одно рекламное объявление в общенациональной британской газете. «Спастическое общество» – одна из лондонских благотворительных организаций – искало себе директора. Моя мать всю жизнь проработала психотерапевтом, оказывая помощь больным церебральным параличом детям, в плохо обслуживаемых и плохо оборудованных больницах и школах, работая сверхурочно ради того, чтобы быть уверенной, что все дети-инвалиды получают должный уход. Она ушла на пенсию в должности руководителя огромного департамента, и при этом её последняя зарплата составляла лишь треть от того, что предлагалось этому директору.

– Тут есть хорошая работа для тебя, – сказал я в шутку, – если ты хочешь вернуться к работе.

Однако моя мама не увидела в этом ничего забавного. Она с мрачным лицом молча прочла объявление.

– Я годами собирала пожертвования для этой организации. Государство никогда не финансировало нас достаточно, поэтому для особых проектов мы пытались получать средства через «Спастическое общество». Я бесконечно собирала деньги для них. Я стояла на уличных углах, гремя жестянкой для пожертвований и выпрашивая мелочь. Той суммы, которую я собрала за двадцать лет, не хватило бы и на полугодовую зарплату для этого человека. С меня довольно больших организаций. Именно поэтому я прошу своих друзей слать деньги тебе.

**Слева направо: сестра моей матери Айви, мой отец и мать.
Фото сделано в Испании в конце 1980-х гг.**

Когда моя мать переехала в Испанию в начале 1980-х гг., бремя сбора средств в Англии было переложено на её старшую сестру Айви. Айви была директором школы на пенсии и часто выступала на женских собраниях. Время от времени она рассказывала о моей деятельности и занималась сбором пожертвований для меня. В середине 1980-х гг. я начал собирать деньги для людей, болеющих проказой в лёгкой форме. В начальной стадии этой болезни человек теряет способность нормально двигать пальцами рук и ног. Операция, одинаково стоящая около 50 долларов как для рук, так и для ног, решает эту проблему. Я нашёл одного велорикшу, который не мог больше водить, поскольку уже не был способен обхватывать пальцами руль и нажимать ступнями на педали. Он был идеальным кандидатом для прихожанок из Англии. Небольшое пожертвование вернуло бы его на дорогу, где он зарабатывал на жизнь. Я оплатил его операцию из присланных мне денег и послал женщинам его фото до и после операции. Они были счастливы. Я понял, что имела в виду моя мама, говоря о возможности получения полного отчёта о потраченных деньгах.

Этот водитель-рикша оказался немного жуликоватым. Прознав об иностранцах, готовых оплачивать его лечение, он обратился ко многим из доноров напрямую и нашёл, по меньшей мере, четырёх человек, которые дали деньги на операцию. Часть лишних денег он потратил на оснащение своего велосипеда мотором, что избавило его от необходимости нажимать на педали, а оставшуюся сумму пропил. Но у меня не было сожалений. Он мог теперь нормально передвигаться и управлять пальцами рук. Никто не должен лишаться возможности управлять своим телом только потому, что не может позволить себе операцию за 50 долларов.

Я продолжал оплачивать обучение многих детей, которые без этого не смогли бы получить школьное образование. Индия – коррумпированное государство, и люди, заведующие школами и преподающие в них, так же заинтересованы в дополнительных доходах, как и другие. Учителя, работающие в тех государственных школах, где успеваемость учеников высока, могут принимать взятки от богатых родителей, желающих, чтобы их дети ходили в такие школы. Чем выше средний балл по школе, тем больше размер взятки за поступление в эту школу. Это выгодно бедным людям, имеющим очень одарённых детей. Учителям нужны надёжные группы развитых учеников для поддержания среднего балла на высоком уровне. Без таких групп они не могли бы получать хорошие взятки от богатых родителей тупых детей. Бедные, но одарённые дети всегда найдут себе место в хорошей государственной школе, если смогут купить учебники и школьную форму. В середине 1980-х гг. я направлял средства, полученные от церковных прихожанок, на помощь одарённым детям из бедных семей в поступлении в самые престижные государственные школы, поскольку понимал, что это было их наибольшей надеждой в жизни.

После того, как я рассказал об этом женщинам-донорам в одном из своих писем, я больше никогда ничего от них не получал. Я часто задавался вопросом: почему? Неужели потому, что они были настолько чисты, что не хотели, чтобы дети ходили в школы, где учителя берут взятки? Или я каким-то образом разрушил их иллюзии? Но их деньги не шли на взятки, они тратились на оплату книг и школьных форм. А может быть, у них были такие же романтические представления о моей жизни в Индии, как когда-то у моей матери?

Таким образом, когда в середине 1980-х гг. последнее пожертвование было потрачено, моя карьера фиктивного миссионера закончилась. Опустевшую нишу заняло несколько ведущих иностранных благотворительных организаций, которые сейчас курируют огромные больницы, школы и программы по профессиональному обучению, как в самом городе, где я живу, так и в его окрестностях. Это многомиллионные проекты, приносящие пользу тысячам людей. В моих проектах, бывших каплей в море, теперь нет необходимости. Я не скучаю по ним, но, может быть, в Англии есть женщины, скучающие по тому, чтобы положить на блюдо для пожертвований 5 долларов и затем, через несколько недель, получить письмо, рассказывающее о том, как их деньги изменили или преобразили чью-то жизнь. Думаю, что в этом и заключался смысл происшедшего. Те, кто заботились о доведенных до нищеты и притесняемых людях из третьего мира, получили через меня гораздо большую отдачу от пожертвованных ими средств, и эта отдача ещё долго согревала их души после того, как было отброшено моё миссионерское притворство.